

Тати
Блэк

Полина
Рей

В постели
с миллиардером

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Тати Блэк

В постели с миллиардером

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Блэк Т.

В постели с миллиардером / Т. Блэк — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Роберт Левицкий богат, знаменит и поставлен перед выбором: либо он женится в ближайшее время, либо лишится многомиллиардного бизнеса. Татьяна работает в детском саду. Она не слишком презентабельна, а её жизнь проста и обыденна. По чистой случайности выбор Роберта Левицкого падает на Татьяну, он предлагает ей контракт, исходя из которого, теперь она - его невеста. Ограничатся ли Роберт и Татьяна деловыми отношениями? Или же однажды мир неприметной воспитательницы детского сада перевернётся, когда она окажется... в постели с миллиардером? На обложке источник Shutterstock 109883454Содержит нецензурную брань.

© Блэк Т., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	27
-----------------------------------	----

– Роберт, ты меня слушаешь?

Роберт Левицкий, генеральный директор фирмы «Самоцветы», подавив вздох, перевел взгляд со стола, по дорогой стеклянной поверхности которого нещадно колотил ручкой последние десять минут, на своего дядюшку, который, собственно, и был в данный момент причиной его крайне дурного настроения.

И – да, он его слушал. Но то, что слышал, совершенно Роберту не нравилось.

– Да, – отозвался он лаконично в ответ на заданный ему вопрос и с тоской кинул взгляд за окно. Захотелось вдруг так по-мальчишески распахнуть сейчас створки и, перемахнув через подоконник, просто выпрыгнуть наружу и исчезнуть, чтобы не слышать всего того, чем дядя не устал компостировать ему мозги. Повести себя беззаботно, как в детстве, которого у него почти не было. Впрочем, даже тогда он не бежал от проблем и тех бед, горький вкус которых ему пришлось познать довольно рано, и тем более не сбегал позорно от неприятностей теперь, будучи взрослым мужчиной и одним из самых влиятельных людей в своей области деятельности.

Он поджал губы, размышляя над ситуацией, в которой оказался. Дядя еще не перешёл напрямую к тому, чего хотел, но Роберт уже понимал, куда тот ведёт. И также он понимал, что, вероятно, ему придется пойти на некоторые уступки в волновавшем дядю деле. Во всяком случае, если он желал наконец получить полный и абсолютный контроль над их семейной фирмой, которую сам же вывел на международный уровень, превратив из маленькой ювелирной мастерской, которой владел дядюшка, в солидного производителя люксовых украшений. И, черт возьми, за одно это уже заслуживал передачи ему тех сорока девяти процентов акций, что ещё принадлежали дяде. И которые тот, судя по всему, намерен был ему отдать только на крайне драконовских условиях. А именно...

– Ты же можешь хотя бы с ней познакомиться, – говорил Петр Левицкий, имея в виду какую-то неизвестную Роберту девушку, являющуюся родственницей старого друга семьи, и по совместительству тем неотёсанным бриллиантом, который он, Роберт, по соображениям дядюшки должен был оценить, а заодно наверняка и приобрести себе в вечную собственность. Только вот проблема – делать этого не собирался категорически.

– Не вижу в этом никакого смысла, – отрезал Роберт, прекрасно зная, что стоит ему только согласиться встретиться с этой тайной жемчужиной, как дядя сделает все, чтобы она повисла ярмом у него на шее, а в придачу к ней появилось ещё и кольцо на безымянном пальце правой руки.

– Значит так, Роберт, – заговорил дядя тем слишком хорошо знакомым Роберту тоном, который он знал с детства и который, определенно, не предвещал ничего хорошего. Хотя его это, в общем-то, давно не волновало. – Я уже не молод и хочу быть уверенным в том, что наше семейное дело будет кому продолжить после тебя. Левицкие не одно поколение занимались ювелирным мастерством и ты знаешь, сколько сил я в это вложил, а потому имею право...

– Я, если ты об этом забыл, тоже вложил немало, – грубо прервал Роберт эту опостылевшую тираду и резким, нетерпеливым движением, обвел рукой свой кабинет. – Этот офис и вся его обстановка были приобретены на те деньги, что фирма стала приносить после модернизации, которую провел Я! – стукнув ладонью по столу, Роберт порывисто встал на ноги, намереваясь прекратить этот раздражающий и, по большому счету, абсолютно бессмысленный диалог. Но прежде, чем он успел дойти до двери, в спину ему прилетело то, что заставило Роберта резко остановиться, будучи не в состоянии поверить своим ушам.

– Если ты не женишься в ближайший месяц – я продам свои акции «Аметисту», – голос Петра Сергеевича звучал твердо, даже холодно, отчего Роберта ощутимо передёрнуло.

Он медленно, сделав глубокий вдох, чтобы сдержаться и не сорваться на крик, повернулся к дяде лицом и, чеканя каждое слово, уточнил:

– Ты собираешься продать свою долю нашему главному конкуренту?

– Да. Какая разница, если семейное дело все равно некому будет продолжить?

Роберт почувствовал, как слепящий гнев застилает глаза, и ноздри, помимо его воли, раздуваются, выдавая едва сдерживаемую ярость. То, что говорил дядя, звучало настолько дико, что он не мог даже представить, что подобное можно говорить всерьез. И все же, по лицу Петра Сергеевича было очевидно – тот действительно это сделает, если Роберт не согласится связаться с этой проклятой девицей, которую ещё не знал лично, но уже, кажется, ненавидел всей душой.

– Послезавтра, в семь вечера, мы ужинаем с Аней и ее родителями в «Римских каникулах», – добавил дядя и Роберт, кинув на него взгляд, в котором ясно читалось отвращение, вышел из офиса, громко хлопнув дверью.

Он прогуливался – а скорее, разъяренно метался – по парку, раскинувшегося в двухстах метрах от его офиса, вот уже добрых минут двадцать, но злость, кипевшая внутри, никак не утихала, скорее, даже набирала обороты. Сука, как это все вообще возможно?! Они что, живут в каком-нибудь темном Средневековье?! Что за старомодное, идиотское требование жениться, чтобы произвести наследника, в конце-то концов?! И как можно в этом бредовом желании дойти до угрозы продать сорок девять чертовых процентов акций семейной фирмы их самому принципиальному сопернику на рынке ювелирных украшений? Как?! Бл*дь, и ведь все из-за чего?! Из-за того, что он, Роберт, не собирался в ближайшее время жениться и осчастливить дядюшку орущими карапузами!

Все это было настолько чудовищно, что никак не укладывалось в голову. И ещё хуже было то, что дядя понимал – Роберт никогда не позволит конкурентам влезть на его территорию. А значит, будет вынужден явиться на этот дурацкий ужин и сделать вид, что просто обосраться как хочет жениться на женщине, которую и в глаза-то ещё не видел. Одним словом – пизд*ц.

Нет, не то, чтобы он был совсем уж против завести семью. Когда-нибудь, вероятно, он выбрал бы себе девушку, с которой они построили бы крепкий союз, основанный на взаимном уважении. В любовь и прочую сентиментальную хрень он, дожив до своих тридцати трёх лет, уже давно не верил. И, по большому счету, вообще считал себя неспособным в кого-либо влюбиться. Ведь если этого не произошло до сих пор, значит, уже не случится вовсе. Хотя он, конечно, встречался с женщинами, дарил им дорогие подарки, трахал их, а потом без сожаления расставался. Дальше постели дело просто не заходило, потому что довольно скоро он терял ко всем без исключения своим любовницам интерес. Никаких чувств, никаких сожалений. Партнёрство, точно как в бизнесе – вот то, что он представлял себе, когда думал о браке. И, наверное, мог бы попытаться выстроить отношения подобным образом с этим неписанным изумрудом, что дядюшка прочил ему в жены, но не намерен был позволять себя нагибать подобным образом. Он не допускал этого ни в бизнесе, ни в чем бы то ни было ещё, и в том, что касалось его, черт возьми, личной жизни, не собирался допускать тоже. Только он сам имел право решать, когда ему жениться и уж тем более – на ком!

Гневный прерывистый вздох, вырвавшийся из груди, дал Роберту понять, что в запале он пробежал по парку, похоже, целый километр. Облако воздуха, образовавшееся от его горячего дыхания, напоминало о том, что на дворе уже середина осени, а он выскочил из кабинета, даже не накинув верхней одежды. Наверное, нужно вызвать водителя и переключиться на дела, не требующие от него сейчас присутствия в офисе. Петра Сергеевича он больше видеть не хотел – ни сегодня, ни когда бы то ни было ещё.

Выйдя из парка, Роберт быстро перешёл через дорогу к зданиям, ровными рядами выстроившимся вдоль зелёной полосы и только было собирался достать телефон и набрать своего водителя, как случилось неожиданное.

Брошенный кем-то с завидной силой резиновый мяч, словно вражеский снаряд, попал ему прямо в голову – недостаточно болезненно, чтобы сразить наповал, но достаточно непри-

ятно для того, чтобы разозлить Роберта еще сильнее, чем то было до этого момента. Твою ж мать! Его, солидного бизнесмена, вот так вот запросто застали врасплох и подбили, точно дичь, дурацким детским мячиком! Черт возьми, он не намеревался спускать это просто так.

Поймав отскочивший сначала от его головы, а затем от асфальта снаряд, Роберт кинул взгляд в ту сторону, откуда он прилетел, и по гулу детских голосов понял, что в здании, рядом с которым он оказался, располагался детский сад. А значит, там должны были находиться и воспитатели, обязанные, черт их побери, следить за тем, чтобы вверенные им дети не бросались своими игрушками в ничего не подозревающих бизнесменов и миллиардеров, к такому обращению не привычных!

Недовольно сведя на переносице темные брови, Роберт шагнул за ограду, оказываясь на детской площадке, где куча спиногрызов носилась как взбесившиеся страусы в брачный период, а какая-то бесцветная девица – судя по всему, та самая воспитательница, которую он искал, стояла посреди этого дурдома, явно не зная, как справиться с такой оравой. Но ему, в общем-то, было насрать на ее проблемы, более того – он собирался добавить ей новых.

– Это ваше? – поинтересовался Роберт у нее холодно, указывая на мяч, который держал в руке.

– Н-наше... кажется, – пробормотала девица, поправляя очки, съехавшие на нос.

– Ну, если вы сами не уверены, сообщаю вам, это – ваше, – язвительным тоном произнес Левицкий и, сунув мяч ей в руки, добавил, не скрывая вновь накотившего раздражения:

– Так какого хрена вы не следите за тем, чтобы ваши дети не кидались мячами в прохожих?!

– Извините... – начала было говорить девица, но он резко ее прервал:

– Работать надо лучше! – после чего, чувствуя себя окончательно не в духе, развернулся и пошел прочь.

* * *

Дедушка снова не ночевал дома. Раньше меня это беспокоило, сейчас – привыкла. Впрочем, когда единственному близкому человеку далеко за восемьдесят – это в любом случае повод для беспокойства, хоть ночует он дома, хоть нет. Но Александр Константинович даже в свои почтенные годы жил активной жизнью, и я смирилась с его похождениями. Порой ещё и чувствовала себя какой-то ущербной – у него на личном фронте всё было прекрасно, а вот у меня...

– Танюх, ты чего опять в сером?

Лена Ершова, моя заядлая подруга, отодвинула меня в сторону и вошла в прихожую с самым решительным видом, разулась, после чего направилась в кухню. Мне осталось только закатить глаза, потому что я напрочь забыла за утро о наших общих планах на этот день.

– Лен... тут дело такое...

Ершова уже всю расставляла на столе посуду – два бокала, пластиковые коробки с принесёнными с собой суши, ну и бутылку мартини.

– Я ничего не хочу слышать...

– Меня попросили о замене.

– Баринава!

– Что?

– А для кого я аперитив принесла?

У меня совершенно вылетело из головы, что мы с Леной уже договорились провести сегодняшний вечер вместе. Прогуляться по центру города, сходить в кино. И когда утром позвонила Вера Николаевна, которая, зайдя издалека, в очередной раз попросила меня подменить её на полдня в детском садике, где я работала воспитателем, согласилась.

– У меня есть целый час, – проговорила я с виноватой улыбкой.

– Час у неё есть, ну надо же. А потом опять к своим спиногрызам, за которых тебе платят копейки?

Ершова разочарованно вздохнула и, усевшись за стол, принялась открывать мартини с самым невозмутимым видом.

– И явно не пьёшь сегодня?

– Неа. Прости.

Лена пожала плечами, но от лекции удержалась, хотя обычно меня в таких случаях ждал пространный комментарий относительно моей отсутствующей личной жизни, и о том, что я слишком позволяю на себе «ездить». И нельзя было в такие моменты сказать, что Ершова неправа.

– Ладно. Константиныч опять не дома?

Подруга принялась за суши, пододвинув второй ланч-бокс ближе ко мне, и я поняла, что аппетита у меня нет.

– Неа. Ещё вчера вечером уехал. К очередной своей пассии.

– Вот! Вот как надо, Барина! А не киснуть сидеть с детьми по песочницам.

– Лен, да я всё знаю. Но... сейчас деньги нужны особо. В ванной вон сам чёрт ногу сломит. Плиту надо новую покупать, у старой три конфорки полетело.

– Всех денег не заработаешь. К тому же, – Ершова с самым невозмутимым видом закинула в рот ещё один кругляш Филадельфии, прожевала и запила мартини, – глядишь познакомились бы с кем сегодня, может, чего серьёзное бы у тебя закрутилось. А мужик в доме, он, знаешь, и ванную отремонтирует, и плиту новую прикупит.

– Лен, тебя слушаешь, так принцы прямо на дороге валяются, – усмехнулась я, всё же принимаясь за суши. Вечером явно придётся довольствоваться чаем и бутербродом, потому что после «спиногрызов» мне обычно хочется просто лечь и не двигаться.

– Ну, на дороге-не на дороге, а уж явно в детский сад принц не забредёт. Так что...

Она довольно откинулась на спинку стула и взяла бокал со спиртным. Иногда я ей даже завидовала. К жизни Ершова относилась легко, к многочисленным неудачам на личном фронте – тоже. Казалось, её ничто не способно огорчить или сбить с пути. Лена считала, что весь отрицательный опыт – это бесценно, и лучше, чтобы он всё же имелся, чем отсутствовал. Я с ней в этом была согласна, однако перенять её образ жизни и мышления не получалось.

Да и жизнь моя была очень далека от того, чтобы в ней происходила бесконечная череда лёгких романов и приятных знакомств.

– Ну и пусть не забредает. У меня там и без него дел полно.

– Ну, ещё бы.

Лена покачала головой и, допив мартини, отставила бокал.

– Ладно. Я пойду. Если вдруг что изменится, звони. Буду ждать тебя в центре.

Ершова ушла, а я отправилась прибраться на кухню. Разговор с подругой в который раз разбередил то, о чём я и сама часто задумывалась. Мне уже двадцать семь, а в моей жизни нет никакого намёка на то, чтобы в ближайшее время обзавестись парнем. Даже не мужем, который и ванную отремонтирует, и счастливой сделает. И да – Лена была права. Вероятность встретить свою судьбу в детском саду была равна нулю. Впрочем, это совсем не отменяло необходимости собираться и идти на работу. Чем я и занялась.

– Коля, перестань! Ты же Вере полные глаза песка насыплешь! Маша, скажи Толе, чтобы с мячом играл подальше от забора. Ира... Мишке так больно, тебе не кажется?

Изобразив строгую воспитательницу в десятый раз за последние двадцать минут прогулки, я посмотрела на часы. Скоро детей начнут разбирать по домам – это внушало мне опти-

мизм. Сегодня малышня как с цепи сорвалась – то ли магнитная буря, то ли преддверие выходных, когда каждый ребёнок, ну и я впридачу, понимали, что впереди целых два дня на отдых.

– Марина! Да что ж ты делаешь?

Подскочив к особо ретивой девочке, которая тащила за капюшон самого маленького из мальчишек группы, я буквально силой высвободила несчастного. Шапка у него съехала набок, очки покосились. Выглядел он взъерошенным, но, кажется, был цел и не придушен.

– Марина, иди на качели. Вон там Люба тебя зовёт.

Она убежала, а я принялась отряхивать от грязи Пашу, который выглядел вполне довольным жизнью.

– Татьяна Баисовна, вы испугались?

Маленький капитан Очевидность. Разумеется, я испугалась. Мне потом за каждую травму, если таковую получит хоть кто-то из них, отвечать по всей строгости.

– Конечно. Я думала, Марина тебя задушит.

– Не задушит, я выживучий.

– Иди играй... выживучий.

Паша убежал к другим мальчикам, а я оглядела поле детского боя. Вроде все на местах, даже относительно уgomонились, а это означало, что пока у меня есть время на передышку. Я снова взглянула на часы, поправила очки, которые постоянно норовили оказаться на кончике носа, после чего перевела глаза на ворота садика. И обомлела. Прямо ко мне, с мячом в руке шёл мужчина, и он настолько не вписывался в окружающую обстановку, что это... даже пугало. Одетый с иголочки, высоченный и красивый. Я таких видела только в кино. Даже на улице подобных экземпляров мне не встречалось. И он, конечно же, был совсем не одним из родителей, я бы такого запомнила.

Причина его нахождения, правда, очень быстро стала ясна. Видимо, Толя всё же выкинул мяч за забор, откуда его и принёс этот незнакомец. Я уже хотела улыбнуться и поблагодарить его за то, что вернул игрушку, когда поняла, что мужчина зол. Зол, как три тысячи чертей. Из-за мяча? Видимо, да. Потому что именно его он сунул мне в руки с таким видом, будто готов лично переубивать всех детей в округе, не разбираясь, кто именно из них запульнул в него игрушкой. А сам начал меня отчитывать, будто бы имел на это полное право!

Сами дети же, привлечённые лекцией, которую читал незнакомец, бросили свои дела и принялись собираться рядом с нами полукругом, держась поближе ко мне, словно я могла их защитить, если бы вдруг мужчине взбрело в голову причинить им вред.

А он не собирался этого делать, отчитал меня, как школьницу, после чего просто развернулся и... пошёл к выходу. Я не знала, какой чёрт вдруг дёрнул меня сделать то, что я сделала. Наверное, состояние аффекта и воспламенившаяся вдруг злость, которую я испытала. Надо же! Решил он поучить слабых и незащитных!

Размахнувшись, я бросила мяч ему в спину, и тот угодил прямоком в поясницу. Знала, что такой удар не причинит боли, но точно не будет им проигнорирован. И точно – всего мгновение, и мужчина резко обернулся, а на лице его удивление смешались с яростью.

Наверное, мне нужно было извиниться. А лучше – сбежать. Но рядом стояли дети, за которых я несла ответственность. Дети, ставшие свидетелями ругательств со стороны незнакомца, и моего глупого поступка в ответ. Потому я сделала то единственное, что мне пришло в голову – повернулась к мужчине спиной и проговорила:

– Видите, дети, как не нужно себя вести? Этот дяденька плохо поступил, когда пришёл сюда и начал говорить нехорошие слова.

– Да, он сказал «хрена», – подтвердила Марина.

– Вот, да... такие слова говорить нехорошо. Но и я тоже поступила плохо. Бросаться мячом в людей – это плохо.

– Мама у меня один раз в папу стаканом бросилась, – закивал Паша.

– Стаканами бросаться в людей – тоже очень плохо, – проговорила я, затылком чувствуя взгляд мужчины. Надеяться на то, что он просто ушёл – не приходилось.

– Мама потом перед папой извинилась, – с довольным видом заявил Паша. И следом произнёс то, от чего я похолодела: – И вы с дяденькой тоже перед друг другом должны извиниться. Так делают все воспитательные люди.

* * *

Кажется, мир вокруг сошел с ума.

Ничем иным Роберт не мог объяснить того, что сегодня одна за другой с ним происходили невиданные вещи: сначала дядюшка, точно рехнувшись, пригрозил продать свои акции конкурентам, если племянник не женится в кратчайшие сроки; затем он получил на ровном месте мячом по голове – в которой, между прочим, находились весьма ценные мозги; и вот теперь, в довершение всего, какая-то воспитательница посмела кинуть в него этим проклятым резиновым снарядом ещё раз. В него, подумать только! В человека, перед которым обычно все лебезили и заискивали, не говоря уже о том, что женщины кидали ему в спину отнюдь не мячики, а похотливые взгляды. Теперь же, такое ощущение, все встало с ног на голову, и этот неправильный, непривычный расклад совершенно выводил его из себя.

Ярость от того, как с ним осмелились поступить, легко читалась на лице, когда Роберт обернулся к наглой бесцветной девице, чтобы поинтересоваться у нее: неужели она настолько не дорожит своей работой, что позволяет себе с ним такие выходы? Одно его слово – и ее выкинут из этого детского сада к чертовой матери! Хотя она, очевидно, понятия не имела, кто он такой, зато теперь нарвалась по полной на то, чтобы узнать Роберта Левицкого и его влияние во всей красе.

Он наклонился, чтобы в очередной раз подобрать мяч и сжал несчастную игрушку пальцами с такой силой, что казалось – та сейчас лопнет, не выдержав его гнева. Выпрямившись, Роберт собирался было высказать воспитателке все, что ее теперь ждёт, но обнаружил, что та уже повернулась к нему спиной и, как ни в чем не бывало, читает на его примере детям лекцию о том, как не нужно себя вести. Это было настолько неожиданно, что Роберт замер, ощущая, как ярость заменяется сначала недоумением, а затем – подступающим к горлу смехом. И когда какой-то кроха сказал, что они с этой девицей, как воспитательные люди, должны друг перед другом извиниться, не выдержал окончательно.

Он заржал.

Громко, во весь голос, запрокинув голову. Стоял и ржал, как больной, и в этом смехе смешалось все – искреннее веселье от того, что мальчонка учил взрослых людей нормам поведения, и неверие в абсурдность того, что успело случиться с ним за последние пять минут.

Но, в общем-то, следовало признать – ребенок был прав. Как там говорят? Устами младенца глаголет истина? Так и есть. Ведь ни эти дети, ни их воспитательница, не были, в конце концов, виноваты в том, что его дядя тронулся умом и решил изрядно попортить племяннику жизнь.

Отсмеявшись, Роберт перевел дух, после чего, откинув мяч в траву и засунув руки в карманы брюк, подошёл ближе к благородному собранию и обратился к тому самому мальчику:

– Ты абсолютно прав, парень. Воспитательные люди должны уметь извиняться. Более того – мужчине следует первому пойти на примирение, потому что женщины – более ранимые существа, – проговорив все это с самым серьезным видом, Роберт кинул все ещё искрящийся смехом взгляд на застывшую, точно дерево, девицу:

– Прошу прощения за свою грубость, – и, когда в ответ не раздалось ни звука, приподнял темные брови и добавил:

– Теперь ваша очередь рассказать мне, как вам жаль, что я вам настолько понравился, что вы не нашли лучшего способа познакомиться, кроме как сыграть со мной в вышибалы.

Не дожидаясь, пока она что-либо ответит, если ответит вообще, он протянул ей руку и представился:

– Роберт.

Чуть помедлив, девица все же подала ему руку в ответ и сказала:

– Татьяна. Борисовна. И да, мне жаль, что я запульнула в вас мячиком.

А затем, после краткого рукопожатия, Татьяна... Борисовна повернулась к нему спиной и к своему изумлению он услышал, как она пробормотала себе под нос:

– Особенно жаль, что не сильнее.

И, собрав детей, повела их обратно в здание детского сада, а он остался стоять на месте, ощущая как по лицу ползет усмешка и снова хочется дико ржать. Злости больше не было. Пренебрежение простой девицы к его статусу и внешности теперь скорее забавляло. Во всяком случае, это было для Роберта что-то новенькое.

Покидая территорию детсада, он вдруг подумал: удивительно все же, насколько дети способны, оказывается, парой фраз разрядить напряжённую обстановку. Возможно, идея обзавестись ревущими карапузами была сама по себе не так уж и плоха? Ухмыльнувшись, Роберт покачал головой, тут же отменяя эту мысль как самую что ни на есть еретическую.

Выйдя к дороге, он кинул взгляд на часы и с удивлением понял, что уже почти шесть вечера. А значит – для каких-либо дел сегодня уже было, пожалуй, поздновато. Желание устроить внеплановую проверку на своем заводе и испортить настроение кому-нибудь ещё, улетучилось само собой и, в конечном итоге, Роберт решил, что сейчас самое время вспомнить о том, как же прекрасна пятница. В конце концов, он же тоже человек. И после неудачного дня имеет право расслабиться и хорошенько набраться.

Тем более, что для совместного времяпрепровождения такого рода у него имелся отличный кандидат.

– Ну привет, Роб, – кто-то от души хлопнул Роберта по плечу, и ему, в общем-то, не нужно было оборачиваться, чтобы понять, кто именно это был. Столь бесцеремонное обращение с ним мог позволить себе только один-единственный человек – Слава Чепенкин, его друг со студенческих лет, к которому с тех же самых времен в рифму к фамилии привязалось прозвище «Печенька», на которое тот, впрочем, ничуть не обижался. Славик вообще был человек очень лёгкий – буквально во всем: в общении, в отношении к людям и вещам, и шел по жизни он также легко: редко задерживался на одном месте, и, соответственно, на одной работе, в виду чего часто оказывался без денег, но совершенно этим не грузился. Возможно потому, что знал – у Роберта всегда можно настрелять займы. Хотя стоило отдать Славику должное: деньги он всегда возвращал.

– Ты сегодня пунктуален, как никогда, – отметил Роберт, автоматически глянув на время на экране мобильного. Между его звонком и этим моментом, когда Печенька плюхнулся в соседнее кресло в баре неподалёку от того места, где Роберт был достигнут врасплох ударом мяча, прошло от силы минут двадцать.

– Летел со всех ног! Когда ещё подвернётся случай выпить на халяву за твой счёт? – усмехнулся Славик.

– Снова на мели? – поинтересовался Роберт, впрочем, и так уже зная ответ на этот вопрос.

– Ага, – кивнул Печенька с совершенно беззаботным видом и, в свою очередь, спросил:

– Ну а с тобой что такое приключилось, что, отложив все свои многочисленные дела, ты решил меня напоить?

– А я не могу сделать этого просто так? – изогнул Роберт вопросительно бровь.

– Дай-ка подумать... – Печенька принял такой вид, будто сосредоточенно о чем-то размышляет и секунд десять спустя выдал свой вердикт:

– Зная тебя – нет, не мог. Ты вообще в последнее время стал довольно скучным типом.

– Ну, не всем же порхать по жизни, как мотылёк, – фыркнул в ответ Роберт. – И падать, как слон, когда та в очередной раз надаёт тумаков, – добавил он с сарказмом.

– Твоя правда, – охотно признал Славик. – Так всё-таки, каков повод для этой внеплановой тусы?

– Дядя Петя сошел с ума, – мрачно поведал Роберт.

– О, так мы празднуем! – оживился Печенька и, махнув бармену рукой, воскликнул:

– Шампанского нам!

– Да какое, к черту, шампанское?! – оборвал поток его радости Роберт. – Он хочет, чтобы я в обмен на его акции женился.

Лицо Печеньки заметно вытянулось в ответ на такие новости и приняло скорбное выражение, когда он проговорил:

– Ты прав. Тогда водки, – кинул он подошедшему к ним бармену.

А дальше, слово за слово, рюмку за рюмкой, Роберт выложил Славику все, что успело произойти с ним за этот день. Упомянул он и урок нравов, который ему преподали в детском саду.

– Она так и сказала – жаль, что не ударила сильнее? – изумлённо переспросил Славик.

– Так и сказала! – подтвердил Роберт, кивая головой, которая начала ощутимо затуманиваться.

– Ах, какая женщина... – вздохнул Славик в ответ и вдруг протянул заплетающимся языком:

– Слу-у-у-шай...

– А? – вяло отозвался Роберт.

– А может тебе это... обдурить дядьку?!

– Как? – заинтересовался Левицкий, отрывая взгляд от рюмки.

– Надо найти другую! Невесту то бишь, – решительно заявил Славик.

– Точно! – хлопнул Роберт рюмкой по стойке. – Надо нанять какую-нибудь актрису...

– Не-е-е-ет, – протянул Печенька. – Актрису нельзя! Запалит. Справки наведёт и запалит, точно говорю.

– А кого же тогда? – нахмурился Левицкий. – Модель?

– Да ну, – отмахнулся друг, поморщившись, – забудь ты про этих своих силиконовых подруг, расписанных как хохлома! Обычную надо. Из простых людей. Чтобы поверил!

– И где ж я тебе ее возьму? – спросил Роберт с иронией. – На улицу мне, что ли, выйти и начать приставать к каждой встречной: не хотите ли, мол, за меня замуж по расчету?!

– Ну зачем же к каждой? И зачем же замуж? – возразил Славик и, вытянув указательный палец, изрёк:

– Может, дядь Петя ваше блефует? А ты себе хомут на шею повесишь!

– Так что ты предлагаешь-то? – спросил Роберт нетерпеливо.

– Ну так счастье же само тебе в руки плывет! – взмахнув руками, Славик даже наглядно продемонстрировал этот процесс. – Надо нанять эту... воспиталку!

– Татьяну... Борисовну? – уточнил Роберт.

– А ты ещё с какой-то вос...воспы... воспу... короче, еще с какой-то такой успел познакомиться? – спросил Славик, оставив попытки выговорить слишком длинное слово изрядно заплетающимся уже языком.

– Нет, – помотал головой Роберт.

– Тогда решено! Подумай сам: в детском саду наверняка платят очень мало, а ты ей можешь предложить за непыльное дельце огромные деньжищи! Ну а взамен ей только и

надо, что смотреть на тебя влюблёнными глазами, что при твоей-то внешности будет совсем нетрудно... ну, в крайнем случае, обаяешь ее, как ты умеешь. И – готово! – подвёл Печенька итог и, явно утомившись от столь длинной речи, запил ее новой порцией водки.

– Дело говоришь! – согласился Роберт и, быстро посмотрев на часы, поспешно поднялся на ноги, после чего выудил из кармана кошелек, бросил на стойку несколько купюр крупного номинала, а затем скомандовал:

– Пошли!

– Ку-куда? – не понял Славик.

– Свататься! – ответил Роберт и, хоть и не без труда, но все же прямо держа спину, направился на выход.

Роберт понятия не имел, до сколько работают воспитатели, как, в общем-то, совершенно ничего не знал о детях вообще, но со всем нетрезвым пылом надеялся сейчас, что застанет эту Татьяну Борисовну на месте. Успеть к ней казалось ему сейчас настолько жизненно важным, что он с упорством взбесившегося трактора буквально волок за собой едва стоявшего на ногах Славика и выпустил того из своего цепкого захвата только тогда, когда они оказались перед дверьми, за которыми чуть больше часа назад скрылась его языкаястая воспитательница со своей шумной оравой.

– И что теперь? – спросил Роберт вслух, ни к кому в особенности не обращаясь – скорее, просто пытаюсь сообразить, что делать дальше.

Потерявший опору в виде руки Роберта Печенька прислонился к стене и неожиданно выдал истину:

– Цветы надо!

Черт, точно, цветы. И как ему это на ум-то не пришло? Впрочем, если разобраться, Роберт никогда ещё не дарил женщинам цветов – в его жизни конфетно-букетный период ухаживания как таковой отсутствовал в принципе. Женщины всегда охотно шли к нему в постель сами, а потом, расставаясь, он просто дарил им дорогие подарки, чтобы скрасить горечь потери и это, надо сказать, всегда работало. Во всяком случае, претензий он никогда не получал. И теперь совершенно не задумался о том, что порядочные люди ходят делать предложение – пусть даже фиктивное – с цветами и прочими прибабасами, которые так любят обычные женщины.

Пошарив вокруг себя взглядом, он вдруг удовлетворено хмыкнул и сказал:

– Будут цветы!

После чего, под изумлённым взглядом Славика направился к ближайшей клумбе, где ещё росли какие-то хоть и полузавядшие, но все же цветы, и, спешно надергав – местами прямо с корнями – из всего этого нехитрый букет, подошёл обратно к двери и решительно постучал. Причем так громко, что Славик аж вздрогнул и, сползая на корточки, на удивление расторопно для своего состояния нестояния скрылся за близрастущими кустами, пробормотав:

– Я, пожалуй, тут... полежу.

Впрочем, ретирада друга Робертом осталась почти не замечена, потому что через считанные мгновения дверь садика распахнулась и на пороге показалась Татьяна Борисовна собственной персоной. Все в тех же очках, все в том же унылом сером костюме. Одним словом – мечта, а не невеста.

– Татьяна Борисовна! – выпалил, не теряя времени даром, Левицкий. – Позвольте пригласить вас...

– Это что? – прервала она его, указывая на несчастный букет. – Цветы с нашей клумбы?

– Виноват, – склонил Роберт голову и, кинув на нее многообещающий взгляд исподлобья, сказал:

– Обещаю исправиться и осеменить! – и, в ответ на изумлённый взгляд серых, по-кошачьи раскосых глаз, добавил:

– В смысле – клумбу! Но, – выставил он указательный палец, – при одном условии! Если вы согласитесь...

– Господи, да вы же пьяны! – снова перебила Татьяна Борисовна со смесью удивления и отвращения на лице, а затем... захлопнула перед его носом дверь.

Что?! Захлопнула дверь?!

Роберта настолько поразил сам факт того, что его ухаживания не нашли в ней отклика, что первый порыв – снова забарабанить в чёртову дверь – был им в итоге задушен на корню. Вместо этого он, с досадой отбросив проклятые цветы, повернулся в ту сторону, куда уполз Печенька и, словно желая уточнить, было ли это на самом деле или просто ему померещилось, спросил:

– Она что... отшила меня?

В ответ на его вопрос из кустов послышался только безучастный храп.

Присев на каменные ступени крыльца, Роберт сжал начавшую трещать голову руками и в который уже раз за этот дурацкий день, подытожил:

– П*здец.

* * *

Вчерашний день был странным во всех отношениях. Хорошо хоть я успела вымотаться настолько, что, прибыв домой, просто приняла душ, упала в постель и заснула. Никаких мыслей, никаких удивлений на тему того, как вообще со мной могло всё это случиться.

Зато утром, ещё находясь в полудрёме, я поняла, что думаю... о том мужчине, что пообрыл все несчастные цветы на детсадовской клумбе. Роберт, кажется. Да, Роберт. Именно так его и звали, и имя это очень и очень ему подходило. Лишнее напоминание о том, что он весь – из другого мира, начиная с имени, заканчивая дорожкой одежды, цена на которую начиналась от нескольких моих годовых зарплат.

А вообще... зачем я вообще о нём думаю? Вчера я видела его в первый и в последний раз в жизни, а это означало – прочь все мысли о том, кто никогда мне больше не встретится.

Откинув одеяло, я прислушалась к звукам, доносящимся из кухни. Хлопнула дверца холодильника, включился телевизор, через стенку донесли очередные дебаты очередных политиканов. Значит, дед дома.

– Доброе утро, – поздоровалась я с ним, едва вышла из своей комнаты, по пути завязывая пояс на халате, и услышала в ответ привычное:

– День уже давно.

– У кого день, а у кого утро, – парировала я. – И кое-кто вчера работал допоздна.

Дедуля не отреагировал. Вялая попытка дать понять, что я не в восторге от его похождения, прошла мимо ушей Александра Константиновича.

– Как вообще дела? – поинтересовалась, устраиваясь за столом, пока дед не умчался куда-нибудь ещё. И услышала неожиданное:

– Всё хорошо. Сегодня гости у нас.

Он открыл холодильник и продемонстрировал мне стоящую на верхней полке банку икры и лежащую рядом упаковку красной рыбы. На дверце – две бутылки шампанского. Говорить, что лучше бы эти деньги пошли в фонд сломанной плиты или отвалившегося кафеля я не стала.

– Твоя Елена Викторовна придёт? – уточнила я, не зная, радоваться или нет тому, что в этот раз у бабушки, кажется, всё серьёзнее, чем в предыдущий.

– И не одна. Сына приведёт знакомиться.

– С кем?

– Ну, не со мной же. Я его уже видел. С тобой.

– Вот как...

Я тяжело вздохнула. По правде, со страхом ожидала того момента, когда дед примется устраивать мою личную жизнь, и вот, похоже, он наступил. Нет, такая забота была мне в некотором роде приятна, но... Но я всё ещё надеялась на то, что всё не так плохо.

– Приготовь чего-нибудь, ну, как ты умеешь. Они приедут к четырёх.

Я бросила взгляд на часы. Прекрасно. Три часа на все чудеса, а ещё вроде как надо выглядеть более-менее пристойно...

– Ладно. Пойду в душ, потом готовить, – буркнула я, понимая, что мой первый выходной накрылся медным тазом. Что дедушка, впрочем, воспринял совершенно нормально. Кивнув, полез в свой волшебный шкафчик, где стояли запасы его наливок, и я поняла, что до моих пожеланий провести субботу на диване возле телевизора ему нет никакого дела.

– Танечка, а вы ведь с детками работаете? – во второй раз за последние полчаса спросила Елена Викторовна, оказавшаяся весьма приятной женщиной полной комплекции, как раз такой, какую любил дед.

– Да, с детками. В детском садике.

– Значит, деток любите.

Она бросила на сына Вову красноречивый взгляд, и тот подвинулся чуть ближе ко мне. Едва только они вошли в нашу квартиру, как я поняла, что начинаю злиться. Хотя, вроде бы, особо на меня никто никогда не давил, и знакомство с Владимиром совсем ни к чему не обязывало, но... Неужели лысеющий мужчина сорока с лишним лет, обладатель весьма внушительного живота – это и есть тот самый «принц», в котором дедуля увидел того, с кем я могла бы построить семью?

– Татьяна, ещё шампанского? – предложил Владимир, и я помотала головой.

– Нет, спасибо. У меня есть.

Он замолчал, очевидно, не зная, о чём говорить. Я не знала тоже, потому принялась и дальше ковыряться в салате.

А вот дедушка и Елена Викторовна чувствовали себя словно рыбы в воде, и то ли под действием наливок, то ли просто потому, что были менее скованы в сложившихся обстоятельствах, всюю обсуждали, как отправятся завтра или в музей или на концерт.

– Танечка, а вы любите Стаса? – неожиданно спросила Елена Викторовна, и я удивлённо округлила глаза, пытаюсь воскресить в памяти всех своих немногочисленных мужчин. Стаса среди них ожидаемо не оказалось.

– Какого Стаса? – выдохнула я и всё же допила шампанское.

– Ну, Михайлова, – в голосе Елены Викторовны послышалось разочарование.

– А, Михайлова. Тот, который поёт про рассветы и туманы?

– Да.

– Очень люблю, – соврала я, чтобы только от меня отстали. – Вы его поклонница?

– Да! – Глаза Елены Викторовны загорелись от восторга, и я слабо улыбнулась ей. Я уже предвидела, как посиделки перейдут в вечер песен имени Стаса Михайлова и мысленно готовилась в ближайшее время обозначить дедушке своё нежелание впредь знакомиться с сыновьями и внуками его пассий. И когда Владимир поднялся из-за стола и предложил сходить с ним на балкон покурить, я, ни разу не бравшая в рот ни единой сигареты, с благодарностью кивнула.

Прохладный ветер заставил поёжиться, но всё же чувствовать на себе касание осенней свежести было гораздо приятнее, чем сидеть в душной кухне в той компании, к которой я была совершенно не готова морально. И снова в памяти всплыл образ Роберта. Я невесело хмыкнула, покосившись на увлечённого прикуриванием Владимира, отвернувшегося и прикрывающего рот ладонью. У Роберта, разумеется, были совсем иные встречи. В дорогих местах, с

партнёрами по бизнесу, например, или со старыми друзьями, с которыми они учились в крутом столичном университете. Или вообще где-нибудь в Кэмбридже. И это лишний раз доказывало, насколько мы из разных миров.

– А ты вообще чем по жизни планируешь заняться? – неожиданно бодро перейдя на «ты», воскресил беседу Владимир, вырывая меня из плена размышлений о мужчине, который этого совершенно не заслуживал.

– Я? – машинально переспросила, будто рядом с нами на балконе был ещё кто-то. – Я уже занимаюсь. Работаю воспитателем.

– Ну, это не дело, – припечатал Вова. – Копейки наверное платят?

И я снова испытала злость. Какое ему вообще дело до того, сколько и кому где платят?

– Я вот бизнес замутить хочу. – Он оперся локтями о перила балкона и посмотрел вдаль. Выпустил изо рта струйку дыма, и я поняла, что Вове в принципе плевать на меня. Зато покрасоваться перед той, кто занимается «не делом», он был очень даже не прочь. – Сейчас пару гаражей возьму. Пока в кредит, но отдать планирую быстро. Сделаю сервис, у меня ребята есть – в этом рубят. Бабло хорошее можно зарабатывать.

Он продолжал говорить, а я стояла и думала о том, заметит ли он, если я сейчас просто уйду обратно в квартиру, оставив его наедине с гаражными мечтами?

– ...эй, Тань! – окликнул он меня, и я вздрогнула. – Ты, говорю, давно куда-то ездила? Ну там, в Туркестан хоть?

– В Туркестан? – не сразу поняла я сути вопроса.

– Ну, в Турцию.

– Вообще ни разу не ездила.

– Зря. Там хорошо. И дёшево, если по горячей. Скатаемся, как подкопим денег.

Это было так... внезапно, что я едва сдержала нервный смешок. Вчера – Роберт с букетом с детсадовской клумбы, сегодня – целый Владимир с «щедрым» предложением. Кажется, на моей улице перевернулся грузовик с женихами.

– Спасибо, но... как-нибудь в другой раз, – поспешила я отказаться от приглашения. – А сейчас хочу вернуться. Прохладно.

Ретировавшись с балкона, я зашла в лифтовой холл, и тут же Вова очутился рядом. Бесцеремонно положил мне руку на плечо, будто вообще имел на это какое-то право. Я уже собралась было возмутиться и скинуть с себя его конечность, когда двери старенького лифта разъехались в стороны, и из него вышел тот, кого я меньше всего ожидала увидеть.

Так и застыв в этой нелепой позе, я моргнула раз-другой, будто рассчитывала на то, что мне привиделось, и выдавила из себя первое, что пришло в голову:

– Сегодня клумбы остались целы?

* * *

Вообще-то, обычно Роберт Левицкий не нажирался до такой степени, чтобы поутру не помнить, как накануне добрался до дома, но на сей раз, похоже, это был именно тот случай. И что было самым ужасным во всей этой ситуации – Робу категорически не нравилось то небольшое, что он мог в данный момент вспомнить. Может, картинки оборванных клумб и строгий взгляд серых глаз из-за очков, которые мелькали в обрывках воспоминаний – это просто ночной кошмар? Не мог же он и в самом деле надраться до такой степени, что пошел свататься к этой воспиталке? Или всё-таки мог?

Вздыхнув, Роберт протянул руку к прикроватной тумбочке и пошарил по ней рукой вслепую, ища бутылку минералки, которая всегда там стояла. Во рту поселилась такая засуха, что думать о чем бы то ни было, пока не глотнет спасительной влаги, просто не было сил.

Осушив всю бутылку за один присест, Роберт сел в постели и попытался ещё раз воскресить в голове события вчерашнего вечера.

Итак, хорошо это или плохо, но воспиталка, запустившая в него мячом, ему, определенно, совершенно не привиделась. Эта Татьяна, прости Господи, Борисовна. Славик, вероятно, не почудился тоже – данный вывод Роберт мог сделать по тому храпу, доносящемуся сейчас из гостиной, что был хорошо знаком ему еще со студенческих времён. Краем сознания Роберт отметил, что у его домработницы, похоже, завтра будет плохой денёк, потому как крепким желудком Печенька никогда не славился. И лучше даже не представлять, что сделалось теперь с дорогушим французским ковром Саванери, постеленным на свою беду в этой самой гостиной.

Впрочем, плевать на ковер. Гораздо больше Роберта беспокоил вопрос: неужто эта бесцветная девица и правда его отшила? Не то, чтобы он сильно жалел о том, что не успел сделать ей предложения, но сам факт для его гордости был довольно-таки унижительный. Хотя и помимо того, что его продинамили, проблем у Роберта было по горло. Потому что дядюшка с его нелепым требованием жениться ему тоже, к сожалению, явно не приснился.

И тут стоило признать: предложение Печеньки нанять какую-нибудь девицу, дабы представить ее как свою невесту, не было лишено, стыдно сказать, трезвого зерна. Этим Роберт мог решить сразу две проблемы: отвязаться от неизвестной ему Анечки, показав дяде, что в его личную жизнь не стоит вмешиваться, и получить акции фирмы, если сумеет убедить Петра Сергеевича в искренности отношений с другой женщиной. Ну а если дядя не блефует и будет настаивать на женитьбе – что ж... брачный договор и контракт на оказание определённых услуг способны решить многие проблемы. А потом, когда получит наконец в свое владение полный пакет акций семейной фирмы, Роберт быстро оформит развод, а перед дядей предстанет безутешным брошенным мужем. В общем, с какой стороны ни посмотри – план Славика, пусть и сочинённый на пьяную голову, был всё-таки просто прелесть, как хорош.

Оставался только один вопрос: где же взять девицу для воплощения этого плана в жизнь? Ибо друг был прав: нанимать актрису или модель затея довольно рискованная – дядя может провести расследование насчёт личности невесты и прийти к определенным, совершенно ненужным Роберту, выводам. А значит, нужна самая обыкновенная девушка и, как ни крути, а вчерашняя воспитательница была всё-таки ровно то, что надо. Тем более, оставить просто так факт того, как она обошлась с ним вчера, Роберт не мог. Никто ещё не смел столь бесцеремонно отшивать его, пусть даже пьяного вдрызг и с цветами с клумбы.

Значит, решено. Он предложит Татьяне Борисовне сыграть его невесту. И в этот раз он поступит совершенно иначе. Больше никаких оборванных клумб и каких-либо цветов вообще. Ведь это, в конце концов, исключительно деловое предложение и сделает он его соответствующим образом.

Кивнув сам себе в знак того, что принял окончательное решение, Роберт вдруг понял, что есть одна проблема: если вчера была пятница, значит сегодня, очевидно, суббота, и, следовательно, по выходным детский сад наверняка не работает. Ждать до понедельника он тоже не может – проклятый ужин назначен уже на завтра. Стало быть, придется выяснить домашний адрес Татьяны Борисовны и нанести ей визит именно туда.

Не без труда отыскав телефон, обнаружившийся на полу, Роберт быстро набрал номер своей секретарши Анжелы и коротко изложил ей суть дела:

– Анжи, у нас недалеко от офиса, на проспекте Мира, есть детский сад. Там работает воспитательница Татьяна Борисовна. Срочно выясни ее домашний адрес и скинь мне смс-кой.

– А номер садика, шеф? Или точный адрес? Проспект мира большой, – ответила секретарша.

– Господи, Анжела, я же сказал – рядом с офисом. Где-то напротив сквера. Ищи, – недовольно приказал Роберт и оборвал связь.

Иногда секретарша, вот как сейчас, чудовищно его раздражала, переспрашивая все по сто пятьдесят раз. Впрочем, винить ее Роберт не мог – как начальник он был далеко не подарок. И хоть и прощал своим подчинённым ошибки, обходились они им, как правило, довольно-таки дорого.

Препоручив Анжеле задачу найти адрес будущей невесты, ещё не подозревавшей о своем счастье, Роберт наконец поднялся с постели и направился в гостиную – проведать Славика и заодно выяснить у него те детали их вчерашних походов, что сам он вспомнить не сумел. Впрочем, на Печеньку надежд было тоже не слишком много, учитывая, что тот ещё на выходе из бара совершенно не стоял на ногах, будучи человеком, которому, чтобы опьянеть, много было не надо.

Однако, одна из забытых Робертом подробностей минувшего вечера обнаружилась сама по себе – спала на его несчастном ковре, обутая в одну туфлю, вернее даже сказать – облаченная в одну лишь туфлю, потому как ничего из одежды на дамочке больше не было вообще. Вторая красная туфля находилась на пороге гостиной и там же, в обнимку с ней – Славик.

Прикрыв рукой глаза от представшего ему зрелища, Роберт искренне понадеялся, что это не он довел неизвестную ему женщину до столь обнажённого состояния. И ещё больше надеялся на то, что состоянием этим он не воспользовался. Потому как абсолютно не в его привычках было снимать по пьяни первую попавшуюся девушку.

Тот факт, что он был совершенно одет, внушал Роберту определенную надежду на то, что он эту «Венеру Урбинскую»¹ не трогал. Вид Печеньки, так и не доползшего до гостиной, причем, намекал на то же самое. Но, в общем-то, у Роберта не было ни малейшего желания выяснять, кто и зачем раздел эту красотку, он хотел сейчас лишь одного – чтобы ее тут не было.

Наклонившись к ней, Левицкий потряс девицу за плечо, и, когда она повернула к нему голову и отбросила с лица белокурые локоны, кратко, но безапелляционно, сказал:

– Подъем. Собирай свои вещички и на выход.

– А заплатить? – спросила девица, принимая сидячее положение и даже не торопясь чем-либо прикрыться.

Нашупав во внутреннем кармане пиджака кошелек, Роберт весьма порадовался тому факту, что незнакомка не успела обчистить его карманы и вообще квартиру. И хотя сильно сомневался, что они с Печенькой ей хоть за что-то должны, сунул девице в руки несколько крупных купюр и указал на дверь:

– Вон отсюда. И побыстрее.

Надо отдать ей должное – собралась она довольно оперативно. И до того торопилась исполнить его приказ, что на пороге споткнулась о Славика, в результате чего тот наконец-то открыл глаза и, недовольно что-то проворчав, поднялся с пола. Девица же, захватив освобожденную Печенькой вторую туфлю, быстро ретировалась, и, когда за ней захлопнулась дверь, Роберт спросил друга:

– Ну и где мы её взяли?

– Понятия не имею, – просипел тот и, бессмысленным взглядом пошарив по сторонам, сказал:

– Пить хочу.

– Возьми минералку в холодильнике, – отозвался Роберт и, когда Славик направился на кухню, пошел за ним следом.

– Как я понимаю, из вчерашнего ты помнишь не больше моего? – задал Левицкий риторический, в общем-то, вопрос, после того как Печенька наконец блаженно выдохнул, жадно проглотив залпом литр воды.

¹ Венера Урбинская – картина Тициана.

– Ну-у-у, – протянул тот в ответ, задумчиво почесав затылок, – помню, как мы куда-то пошли из бара...

– Вот и бери тебя с собой свататься, – хмыкнул Роберт.

– Ё*ушки-воробушки! – выдохнул Славик, падая на стул. – Ты таки это сделал?

– Таки да. И, так как мне отказали, намереваюсь сегодня сделать ещё раз.

– Ты хорошо подумал? – осведомился Печенька, глядя на Роберта так, будто сомневался в его душевном здоровье.

– Очень даже хорошо. Поэтому – спасибо за идею, но сопровождать меня больше не надо, – усмехнулся Левицкий и, кинув взгляд на часы, коротко выругался, обнаружив, что уже почти четыре часа вечера.

А значит – у него остались буквально сутки на то, чтобы сделать Татьяне Борисовне исключительное и совершенно деловое предложение и успеть обговорить с ней все детали предстоящего спектакля. Посему, оставив потрясенно молчавшего Славика и дальше раздумывать над тем, в своем ли он, Роберт, уме, Левицкий направился в ванную комнату, чтобы привести себя в порядок перед столь важной и весьма необычной для него встречей.

Как Роберт и ожидал, жила Татьяна Борисовна в недорогом спальном районе на окраине города, факт чего подтверждал резонность размышлений Славика о том, что крупная сумма денег, которую Левицкий собирался ей предложить, будет для языкастой воспитательницы весьма не лишней. И потому Роберт совершенно не рассматривал того варианта, что Татьяна Борисовна может не согласиться на эту, хоть и весьма своеобразную, но все же работу, для которой он собирался ее нанять. И тем более неожиданной стала для Роберта картина, представшая его глазам, когда он наконец добрался через все триждыклятые пробки до дома воспитательницы и вышел из лифта на ее этаже. А именно – то, как неизвестный ему мужик обнимал за плечи Татьяну Борисовну, которую Роберт уже считал своей пусть и фиктивной, но все же невестой.

– Клумбы – целы, – ответил он с мрачной решимостью на заданный ему вопрос, – а вот за сохранность чьей-то физиономии я не ручаюсь.

И тут ему в голову пришла неожиданная мысль: а что, если это – жених Татьяны Борисовны? Или и того хуже – муж? Во всяком случае, в том, как этот лысоватый тип касался ее, ясно читалось нечто собственническое. И Роберту это категорически не нравилось.

Черт, а ведь ему даже не пришла в голову мысль о том, что она может быть несвободна. Такого неприятного препятствия в его гениальном во всех отношениях плане совершенно не ожидалось и потому Левицкий ощутил сейчас новый приступ раздражения. Впрочем, если этот экземпляр не имел на нее законных прав, то вполне может подвинуться. В конце концов, ему, Роберту, Татьяна Борисовна в качестве невесты была нужнее. И, судя по тому, как жадно бежали глаза этого типа, когда он осматривал дорогой костюм Роберта – тот продал бы за хорошие деньги бедную Татьяну Борисовну, не особо долго задумываясь. Хотя подкупать этого человека – последнее, что Роберт хотел бы делать. И потому, чтобы не терять больше времени даром, он требовательно сжал локоть воспитательницы и, притянув ее к себе, тоном, не терпящим возражений, сказал:

– Разрешите с вами поговорить, Татьяна... Борисовна.

После чего, не дожидаясь ответа, нажал на кнопку вызова лифта, двери которого тут же распахнулись и решительно направил туда явно пребывавшую в растерянности от его появления и поведения воспитательницу.

Все те несколько мгновений, что лифт ехал вниз, Роберт молчал, и только тогда, когда они вышли из подъезда во двор дома, требовательно спросил:

– Кто это с вами был?

– А вам какое дело? – ответила вопросом на вопрос Татьяна Борисовна, судя по тону, уже пришедшая в себя.

– Вы правы – никакого, – пожал Роберт равнодушно плечами. – И все же? Муж?

– Нет, – неохотно ответила она и неожиданно для самого себя Роберт испытал от ее ответа мрачное удовлетворение. Впрочем, ему действительно было чему порадоваться – времени на то, чтобы искать новую подставную невесту, у него почти не было, а эта – подходила идеально. Дядюшка наверняка оценит по достоинству то, кем работает дорогая Татьяна... Борисовна, и тем больше шансов, что он поверит, будто у Роберта к ней действительно серьезные намерения относительно продолжения рода.

– Прекрасно, – кивнул Роберт воспитательнице и, растягивая губы в улыбке, добавил:

– По такому прекрасному поводу хочу пригласить вас в ресторан.

– С какой же стати? – поинтересовалась с подозрением Татьяна Борисовна и, отбросив в сторону хождения вокруг да около, Роберт сказал прямо:

– Хочу поговорить с вами кое о чем. Так что садитесь в машину, Татьяна Борисовна, или... садитесь в машину. Проще говоря – отказа я не приму, – и Левицкий снова улыбнулся с ленцой хищника, знающего, что добыча от него никуда не денется.

– А если я не поеду? – упрямо спросила воспитательница и Роберт вновь спокойно пожал плечами:

– Тогда вашим соседям будет на что посмотреть и о чем поговорить минимум неделю.

Этот намек на то, что он устроит бесплатное шоу на радость сплетникам в случае отказа, судя по выражению ее лица, на Татьяну Борисовну подействовал. И, дабы укрепить свой успех в деле падения этой крепости, Левицкий снова коснулся ее руки и мягко сказал:

– Едемте, Татьяна Борисовна. Ведь что такого дурного в том, что я хочу угостить вас ужином?

Вместо ответа взгляд воспитательницы проследовал вниз – туда, где Роберт сжимал своими длинными сильными пальцами ее тонкую ладонь и после непродолжительного молчания он, к своему облегчению, наконец услышал:

– Ну хорошо.

Все то время, что они добирались до выбранного Робертом ресторана, между ним и Татьяной Борисовной были произнесены от силы пара-тройка ничего не значащих фраз. Воспитательница даже заняла в салоне заднее сиденье, словно боялась, что Роберт может на нее наброситься. Того варианта, что он сам ей настолько неприятен, что она не желает сидеть с ним рядом, Левицкий не рассматривал. Что же касалось первого предположения – ничего подобного до сего момента ему даже на ум не приходило. Хотя он не мог не отметить того факта, что сегодня воспитательница выглядела несколько иначе – по всей видимости, принарядилась для своего жениха. И думать об этом было до того противно, что Роберт недовольно поджал губы, решив про себя, что нужно будет сказать Татьяне Борисовне, что на время их контракта ее не должны видеть ни с какими другими мужчинами. Ведь с дядюшки, чего доброго, станется и проследить за потенциальной родственницей.

Когда они наконец доехали до места назначения, Роберт припарковался, и, выйдя из машины первым, раскрыл перед Татьяной Борисовной дверцу. Затем подал ей руку и, все также молча, проводил ее внутрь заведения, оформленного в восточном стиле и предлагавшего гостям соответствующую кухню.

На входе им было предложено омыть руки из фарфорового таза, после чего Роберт с Татьяной Борисовной проследовали на второй этаж, в обеденный зал с приглушенным светом, источником которого служили разноцветные фонари, отбрасывающие пестрые блики на отделанные глиной стены и где играла негромко музыка, в которой отчетливо и надрывно-грустно солировала зурна.

После того, как они разместились на мягких диванах и сделали заказ, Роберт решил немедленно приступить к тому делу, ради которого привез сюда свою воспитанку. Дождавшись, когда им подадут напитки, он посмотрел будущей невесте в лицо и сказал:

– Не буду вас долго вас томить, Татьяна Борисовна, и перейду сразу к причине того, что вы снова меня видите. Как я уже сказал, у меня к вам есть деловое предложение.

– И какое же? – поинтересовалась она, делая глоток сока.

– Мне нужна невеста, – ответил Роберт прямо и добавил: – И я решил, что вы для этого идеально подходите.

Последняя фраза стала его стратегической ошибкой с учётом того, что в этот самый момент Татьяна Борисовна снова пригубила сок, но проглотить его не успела.

Подавившись, она невольно – во всяком случае, Роберт хотел надеяться, что это именно так – прыснула на его пиджак, мастерски угодив в платок, элегантно выглядывавший из верхнего кармана пиджака.

– Извините, – сказала воспитательница, откашлявшись, и Роберт, вытянув из кармана помеченный ею платок, с усмешкой бросил его на стол:

– Если он вам так понравился, вы могли бы просто попросить.

– Не все то, во что я плююсь, мне нравится, – парировала она и Левицкий, вздернув бровь, сказал:

– Какая жалость. Для нашего общего дела было бы гораздо лучше, если бы я вам нравился.

– Я ещё не соглашалась, – сухо ответила она.

– Ну так соглашайтесь же, к чему терять драгоценное время? – улыбнулся Роберт.

– Могу я кое-что спросить? – поинтересовалась Татьяна Борисовна, откидываясь на спинку дивана.

– Спрашивайте, – милостиво разрешил Левицкий.

– Вы в своем уме?

– Абсолютно, – ответил он и, подавшись к ней ближе, сказал:

– Все очень просто, Татьяна Борисовна. Есть серьезные причины, по которым мне срочно нужна фиктивная невеста. И наше с вами вчерашнее знакомство – просто подарок свыше, так как вы подходите на эту роль по всем параметрам.

– Каким же именно?

– У вас замечательная профессия и не вызывающая, но приятная внешность.

– Вчера вы говорили, что мне нужно лучше работать, – напомнила она с ядовитым удовольствием.

– Это было вчера.

Отведя от него взгляд, Татьяна Борисовна молчала некоторое время, после чего спросила:

– И это действительно... только деловое предложение?

– Ну, по обоюдному согласию мы можем выйти за эти рамки, – ответил он, с интересом следя за сменой эмоций на ее лице. – А вы уже желаете этого? – поддразнил Роберт свою воспитательницу.

– Нет, конечно! – возмутилась она.

– И вы даже не спросите, сколько я готов вам заплатить?

– Нет, потому что я не собираюсь...

– Полмиллиона.

– Что?

– Полмиллиона. Не рублей, конечно же, – пояснил Левицкий, наблюдая за ее реакцией и на всякий случай отодвинувшись, чтобы в него не запустили на радостях чем-нибудь ещё.

Татьяна Борисовна, однако, не торопилась выражать своих восторгов по поводу того, что он готов заплатить ей огромные деньги за не такую уж и большую услугу.

– Нанайских тугриков? – уточнила она с иронией и тут уже Роберт почувствовал, что эта женщина перешла грань его терпения. Можно подумать, по всей его внешности было незаметно, что подобные шутки касательно него неуместны.

– Евро, – сказал Роберт холодно и, поднявшись из-за стола, категорично добавил:

– Если вы не согласны – эти деньги получит кто-то другой.

– Мне нужно подумать.

– У меня нет времени на эти жеманства, – отрезал Левицкий, и, опершись ладонями на стол, наклонился к воспиталке, приблизив свое лицо – к ее:

– Или вы соглашаетесь сейчас же, или на этом наше с вами знакомство завершено.

Он ощутил как ее дыхание касается его кожи, когда она после небольшой паузы произнесла на выдохе:

– Что именно я должна делать?

* * *

– Всё для тебя-я! Рассветы и туманы, для тебя-я-я! Моря и океаны-ы!

Голос Михайлова пробивался даже до лифтового холла, в котором я некоторое время расхаживала взад и вперед, пытаясь уложить в голове то, что произошло со мной сегодня. И последнее, чего мне сейчас хотелось – возвращаться туда, где меня ждал «гаражный жених», тем более что теперь у меня был жених весьма даже настоящий. Каким бы фиктивным он ни был.

Сейчас, когда до меня уже дошёл весь смысл того, во что я вляпалась, и когда рядом не было Роберта, чьё присутствие меня так или иначе выбивало из колеи, стало по-настоящему страшно. И я не могла понять, чего именно боюсь, хотя страх был весьма оправдан. Моя жизнь скромной воспитательницы детского сада вот-вот должна была перевернуться с ног на голову, и дело было совсем не в баснословных деньгах в виде обещанного гонорара. Вернее, не только в них.

«От вас ничего особенного не требуется. Теперь вы – моя невеста, у нас ужин с моим дядей завтра вечером. Я приеду за вами лично. Или прислать машину?»

Пришлось остановиться и помассировать виски. Голову разрывало на части от хоровода мыслей. Этот Роберт Левицкий умел поставить в тупик, особенно когда начинал говорить вот так – властно и непримиримо.

За импровизированным ужином, куда он утащил меня прямо с лестничной клетки, всё казалось простым и понятным, особенно когда я всё же приняла мысль, что сидящий напротив мужчина теперь называется моим женихом. Обсуждение того, что должны знать друг о друге, история нашего «лже-знакомства». И всё тот же властный голос Роберта:

«Пётр Сергеевич порой может быть очень въедливым. Что-то придётся сочинять на ходу. И ещё – завтра на ужине будет присутствовать Анна. Эту девушку приведёт на знакомство со мной мой дядя. Учитывайте это, пожалуйста, чтобы для вас это не стало неприятным сюрпризом. И давай уже перейдём на «ты»».

– Всё для тебя-я! Рассветы и туманы, для тебя-я-я! Моря и океаны-ы!

Да сколько же было можно! Так хотелось тишины и покоя, а рассветы и туманы звучали, должно быть, по сотовому кругу.

Смирившись с мыслью о том, что мне вряд ли удастся разложить всё в голове по полочкам, если я так и продолжу метаться по лифтовому холлу, я всё же отправилась домой, надеясь, что хотя бы Володя за эти пару часов моего отсутствия отбыл куда подальше.

– О! Пропажа наша пришла, – хихикнула Елена Викторовна, которая в момент моего вхождения в гостиную лихо отплясывала под очередной Михайловский куплет. – А мы от Вовы не можем вразумительного ответа добиться, куда ты делась.

– Я... за мной заезжали. Знакомый.

Я нашла взглядом Владимира, который сидел на диване в углу, уткнувшись в телефон. И даже головы не поднял от экрана, что в целом меня очень устраивало.

– А мы тут молодость вспомнили. – Дед, вспоминая эту самую молодость двадцать четыре часа в сутки, остановился и бросив на меня взгляд а-ля «после нас ждёт разговор», снова повёл Елену Викторовну к столу, а я отправилась на кухню. Хотелось какой-нибудь рутинной работы, которая и нашлась для меня в изобилии. Помыть посуду, прибраться и отвлечься от настойчивых мыслей, что так и продолжали калейдоскопом кружиться в голове.

Через пару часов дедушка наконец отправился провожать гостей до остановки. За всё это время ко мне в кухню только раз пришла Елена Викторовна, которая попыталась невзначай выведать, как мне её сын, и что за знакомый ко мне приезжал. Пришлось напомнить себе, что эта женщина для Александра Константиновича особенная и меня в детстве учили быть вежливой.

Как только за гостями и дедом захлопнулась дверь, я устало опустилась на стул и сделала глубокий вдох. Итак...

Теперь я фиктивная невеста Роберта Левицкого, мужчины, который далёк от меня так же, как Меркурий от Нептуна.

Уже завтра мне предстоит отправиться с ним на ужин к его въедливому дядюшке, где я буду сочинять на ходу то, что мы по ряду причин не смогли обговорить с Левицким. Ко всему, там будет присутствовать Анна, и уж она точно – какая-нибудь богатенькая длинноногая красотка, рядом с которой я буду чувствовать себя гадким утёнком. Кстати, а почему, интересно, Роберт был против такой невесты, как она?

Впрочем, какое мне до этого было дело, если я в итоге получала то, что мне сейчас было нужнее всего – деньги? О сумме я старалась не думать, хотя нет-нет, в голову и приходили мысли о том, что смогу сделать на эти самые полмиллиона евро.

– Тань! Ты заснула, что ли? – окликнул меня от порога кухни дедушка, и я встрепенулась, только теперь понимая, что ушла в себя мыслями так глубоко, что даже не заметила его возвращения.

Он не спрашивал ни о чём, что в целом для Александра Константиновича было весьма странным, и выглядел при всём при этом словно бы даже смущённым.

Устроился рядом и, совершенно неожиданно для меня, выпалил:

– Жениться я собрался.

Эта новость настолько меня ошарашила, что я даже забыла о том, о чём размышляла последние полчаса. Только и могла, что смотреть на деда во все глаза, не понимая, что именно чувствую в этот момент. Он же это сейчас серьёзно?

– Эм... на Елене Викторовне? – уточнила я на всякий случай, и дед растянул губы в улыбке.

– На ней. Как она тебе?

А и правда – как она мне? Обычная весёлая женщина, одна из многих, которые были у Александра Константиновича после того, как бабушки не стало. Но видимо, для него она действительно была особенной.

– Ну... она весёлая, приятная, доброжелательная.

– Да. – Дед снова просиял. – В Финляндию с ней поедем, я уже Лене обещал.

– На медовый месяц? – не скрывая улыбки, уточнила я.

Раньше бы внутренне ужаснулась тому, сколько потратится денег не на ремонт и плитку, а сейчас... вот как раз о деньгах сейчас думалось в самую последнюю очередь.

– Да. Только подкоплю немного. Может, ружьё продам.

– Не нужно! – запротестовала я. – Я найду денег. Ничего продавать не придётся.

Дедушка, обычно скупой на ласку, вдруг поднялся со своего места и, взъерошив мои волосы, со смешком уточнил:

– Где же ты их найдёшь? На улице, что ли? – После чего задал вопрос о том, что и сподвигло меня признаться в свалившемся на меня женихе: – Как тебе Вова? Работящий мужик и планов у него много.

Я едва сдержалась, чтобы не поморщиться. Конечно, сравнивать не стоило, но... если уж и ставить рядом друг с другом «работящего мужика из гаражей» и Роберта-жениха, пусть и фиктивного, выбор был очевиден.

– Нормальный он, да, – кивнула я без энтузиазма, и прежде, чем дед успел присовокупить что-нибудь ещё, быстро добавила: – А я ведь тоже к свадьбе начинаю готовиться, дедуль. Замуж я выхожу. – И снова быстро уточнила: – Не за Вову.

– Баринова... Я просто в афиге!

Эту фразу Ершова повторяла бесконечно последние минут тридцать, пока копалась в моём весьма скудном гардеробе. Попеременно с этим она пыталась сорваться и бежать домой, чтобы принести ещё и своих вещей, потому приходилось почти постоянно напоминать ей, что у меня очень мало времени до приезда Левицкого.

– Хватит, Лен. Не от чего офигевать. Это всё понарошку, я же сказала.

– Ничего себе понарошку! Полляма евро, Танюха!

Она снова начала прикладывать то пиджак к юбке, то жакет к брюкам, после чего отбросила очередную, неподходящую на её взгляд, вещь.

– Их сначала надо получить, – вяло отмахнулась я и вытащила из рук Лены самое удачное, на мой взгляд, платье. Вязаное, тёмно-серое и длинное.

– Ты что, его наденешь? – Ужас, написанный на лице подруги, был настолько искренним, что я безоговорочно ей поверила.

– А что?

– А чулки?

– Какие ещё чулки?

– Точно! Забыла.

Ершова метнулась к сумке, откуда впоследствии и извлекла упаковку, которую протянула мне:

– Вот, от сердца, можно сказать, отрываю. В безграничной надежде на то, что ты с полу-миллиона купишь мне десять таких пар. Нет, десять фура таких чулков.

– Чулок, – машинально поправила я, рассматривая рисунок на стройных ногах девушки, смотрящей с упаковки, которую я вертела в руках.

– Однофигиственно, Баринова. Давай, надевай. И если уж с одеждой у тебя всё так плохо, хотя бы вот ту мини-юбку натягивай.

– Я её не носила лет с шестнадцати.

– И что? Натягивай. Сверху блузку. Ты же скромная воспитательница. Хотя, я бы в бюст ватки бы подложила. Пусть Роберт твой видит, какое у тебя богатство в грудях спрятано.

– Между прочим, ничего особо богатого там нет. И он меня в невесты взял в любом случае, хоть с ватой, хоть без.

По правде говоря, я сильно сомневалась в том, что стоит надевать то произведение чулочно-носочного искусства, которое мне принесла Ершова. Хорошо хоть чулки были чёрными, а не алыми, например. Но вот рисунок на них...

Снизу-вверх по всей длине чулок поднималась словно бы шнуровка, которая сверху заканчивалась милыми бантиками, тоже нарисованными. Я вздохнула, покосилась на то платье, которое забрала подруга, и всё же принялась надевать чулки. Времени до приезда Роберта оставалось катастрофически мало.

– Так, ну всё, подруга, – наконец постановила Ершова в тот момент, когда в дверь зазвонили. Это поднялся в квартиру Левицкий, приехавший десять минут назад и не вынесший ожидания.

Я в последний раз бросила взгляд в зеркало на стене – переодеваться было поздно, потому на ужин с дядюшкой Роберта я шла в том, что Лена на меня надела. В комплекте к чулкам – короткая юбка и блузка с ремешком на талии. Ну и туфли на шпильках. В общем и целом, не так уж и плохо, если бы не одно «но». В таком наряде я себя чувствовала не в своей тарелке.

– А вот и счастливый жених! – проговорила Лена, распахивая дверь квартиры, за которой с самым непринуждённо-нетерпеливым видом стоял Левицкий. Правда, надо отдать ему должное, стоило только нам с Ершовой предстать перед ним, как весь его образ скучающего и совсем чуть-чуть разозлённого на непредвиденную задержку мужчины, слетел, будто сорванная маска.

– Кхм, – кашлянул он, окинув меня взглядом с ног до головы и обратно. На подругу даже не посмотрел. – Как я вижу, ты готова.

– Ершова. Елена Михайловна. Для вас просто Лена. – Тут же встряла та и протянула ему руку, на которую Роберт и перевёл взгляд. – Лучшая подруга Тани.

– Левицкий Роберт Алексеевич, – чуть сжав пальцы Ершовой ответил мой «жених». – Для вас просто Роберт Алексеевич. – И снова повернулся ко мне: – Если ты собралась, можем ехать. Опаздываем.

А я стояла, как дура, и не знала, что ответить. Не каждый день ко мне приезжали женихи в костюмах от Армани, и не каждый день везли меня на светские ужины, потому моё замешательство было весьма объяснимым. И всё же... это была лишь игра, за которую я получу баснословный гонорар. И мне просто нужно побыть собой и наплесть несчастному дядюшке Левицкого с три короба. Не врать, нет. Просто подыграть Роберту.

Пока мы шли к лифтам, я делала то, что было мне совершенно несвойственно – втягивала аромат парфюма Левицкого, от которого кровь по венам бежала быстрее. Я даже и не знала о существовании таких ноток, которые, смешиваясь воедино, могли свести с ума.

Позади маячила Ленка, не устающая комментировать всё и вся. К её болтовне прислушиваться не хотелось – казалось, что Ершова в данный момент совершенно чужеродный элемент. Хотя, им была как раз не она, а Левицкий, выглядевший на фоне обшарпанных стен лифтового холла так, будто мог попасть сюда с вероятностью ноль целых ноль десятых, и вот каким-то образом всё же угодил.

– Спасибо, Елена Михайловна, что проводили. Дальше мы сами, – проговорил Левицкий, когда мы дошли до его автомобиля. – Подкинуть вас до дома не предлагаю, как вы помните, мы опаздываем.

Он галантно распахнул передо мной дверцу и я, устроившись на кожаном сидении, поняла, что окончательно расслабляюсь. Это была какая-то лживая эйфория, когда отчётливо понимала, что уже завтра мне предстоит возвращаться к толпе карапузов, с которыми я буду лепить осенние поделки и вырезать из картона слонов, а сегодня... сегодня я стала той самой Золушкой, направляющейся на бал. Вот только карета моя не превратится в тыкву, потому что совсем не волшебная, а очень даже реальная. И принадлежит она вовсе не мне.

– Она забавная, – выдал характеристику Ершовой Роберт, когда мы плавно отъехали от подъезда и влились в поток машин.

– Она хорошая, – парировала я, чуть повернувшись к Левицкому. По его чётко очерченному профилю и желвакам, играющих на покрытых щетиной скулах, я поняла, что «жених» не так спокоен, как хочет казаться.

– Хорошо. Это она тебя придела?

– Да. А ты что-то имеешь против?

– Нисколько. Хотя, конечно, предпочёл бы видеть рядом скромную воспитательницу, но раз так...

– Раз так?

– Да. Раз так. – Роберт остановился на светофоре и повернулся ко мне. Его взгляд скользнул по моим ногам, и я испытала желание прикрыться. – Хотя, мы вроде с тобой обсуждали вчера – если есть желание перейти за рамки контракта, я не против.

– Зато против я!

Он усмехнулся, давая понять, что это шутка, и не успела я сказать всё, что думаю по этому поводу, добавил:

– Хотя, в любом случае, что-то всё равно выйдет за его рамки.

– Например? – напряглась я, чувствуя, что что-то упускаю. Ведь не зря же понимала, что так просто такие деньги достаться не могут.

– Пара поцелуев, например. Ну, про объятия говорить, надеюсь, не стоит?

Он снова бросил на меня быстрый взгляд и ухмыльнулся. Странно всё это. Неужели среди его окружения не было никого, кто согласился бы играть роль невесты без полумиллиона евро? Роберт был притягательным, уверенным в себе, порой даже приятным. Так неужели для того, чтобы найти себе фиктивную невесту, нужно было выложить ей кругленькую сумму?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.